

Космическая физиология

после
послесловия

93

Сергей Владимирович Петров начал сочинять стихи очень поздно, во всяком случае, ему было около пятидесяти, когда он осознал стихописательство как дело своей жизни. Он был настолько неуверен в себе, что спрашивал меня (и совершенно серьёзно, и волнуясь), совсем юную тогда: «Леночка, bin ich Dichter?» – «Ja, Ja!» – отвечала я, удивляясь.

Он родился в 1911 году в Казани. Большую часть своей жизни провёл в ссылке и считал, что ему ещё повезло. С юности был полиглотом и, учась в Ленинградском университете, изучал не только европейские языки, но и, например, санскрит и тибетский язык. Кстати, он всегда восхищался нашей восточной школой, считал её лучшей в мире, все её представители были стёрты с лица земли.

Почти сразу после окончания университета он был арестован. Если бы, говорил он, его послали с группой курсантов (он преподавал в военно-морском училище шведский язык) в морской поход в Швецию как переводчика, то не миновать бы расстрела (все, кто участвовал в этом походе, были уничтожены). Его всё-таки посадили, чудом он избежал лагеря, был сослан в Сибирь, там женился, и там умер его первый ребёнок, совсем маленьким. Потом удалось переехать в Новгород, где в конце шестидесятых трагически погиб его второй сын (его смерти посвящено, по-моему, самое пронзительное и потрясающее бесстрашной прямоотой стихотворение «Реквием»). Живя в Новгороде, он часто наезжал в Ленинград, ему удалось начать печататься как переводчику. Переводчик он был виртуозный и любящий тех, кого переводил. «Часослов» Рильке один из лучших переводов этого поэта на русский. Там уже, впрочем, под, если можно так выразиться, скорлупой Рильке он созрел и сам как поэт, это совсем опетровленный Рильке. Но переводы скальдов, безусловно, вершина, и по изощрённости, по силе и точности, не знают себе равных. Да и смелость нужна недюжинная, чтобы переводить древних вот так: «Долбодреву в яви. // Денег ради рано // Уборы брата моря? // Будет дмити бурно».

Кажется, в начале семидесятых Петров совсем переехал в Ленинград. Мы познакомились на моём чтении, у кого-то дома. Я тогда ничего не знала о нём. Сидел старичок-лесовичок и вроде внимательно слушал. Нам было ехать потом в одну сторону, в трамвае я спросила его: «Ну как?» – «А я ничего не слышал, я плохо слышу». Но попросил почитать мои стихи, с этого началась наша дружба.

Мы стали часто видеться и читать друг другу стихи. «Вы уже при мне оседлали Пегаса», – говорил Сергей Владимирович. Он лелеял одно время мысль издавать журнал (разумеется, рукописный) и придумал название «У двоих», предполагалось, что мы с ним будем писать туда прозу, стихи и критику, но дальше названия дело не пошло. Через пару лет я написала стихотворение «Новости дня», в котором есть строчка «Сергей Владимыч фугу написал», где сочинение Сергеем Владимировичем фуг приравнивается к таким ежедневным и неизбежным событиям, как, например, развозка хлеба по булочным.

Одной из главных новаций, привнесённых им в русскую поэзию, была попытка внести новые жанры, верней, перенести их из музыки (а вернее, это была попытка положить не слова на музыку, а музыку на слова), он писал сюиты, фуги, концерты и скерцо. Фуги получались лучше всего... Конечно, он шёл от любимого им А. Белого, который, как известно, писал в прозе симфонии. Он искал нового инструментального устройства стиха, с более сложной просодией, с более сложной организацией, чем в классическом стихе, где он мог бы быть одновременно композитором, дирижёром и всеми инструментами сразу. Но таков был идеал, на деле это не очень удалось ему. То, что он писал, ближе всего по жанру к оде, он был настоящим одическим поэтом, привил к её торжественности нарочитую простоватость, смешал славянизмы с деревенской речью. В его стихах разные слои языка, бытовые и возвышенные, сплелись в любовной схватке, заставляя читателя падать с высот чуть не в очко нужника и взлетать обратно.

Сергей Владимирович, помимо всего прочего, поражал своим прилежанием и трудолюбием. У меня дома хранится огромная (почти в метр высотой) переплетённая книга, переписанная им необыкновенно тщательно и затейливо уставом в семи (!) экземплярах. В ней содержится сочинение «Аз», что-то вроде мистерии, где в неопределённом пространстве действуют «Аз», «Предмет» и всякие абстрактные сущности, и всё это сопровождается множеством цитат на всех языках, расположенных в виде глосс. «Аз» вообще было его любимое слово (даже псевдоним он взял «Азумлев»).

Склоняясь скорее к солипсизму, он считал себя закоренелым агностиком. Он один из редких в русской поэзии поэтов-метафизиков (недаром Тютчев был его любимцем), но при этом вся эта метафизика обрастала грубой и зримой плотью, вся проникнута какой-то космической физиологией. К сожалению, иногда она переходила в риторику, в любование самим процессом стекания слов почти бессмысленным (хотя и мощным) водопадом. Всем существом он был обращён к разгадке тайны своего «Я», больше, чем чего-либо другого в мире или вне мира. Ему казалось, что и смерть есть некоторое собственное волеизъявление. Он писал:

Кажется, забыл я умереть,
А теперь уж поздно, поздно, поздно.

Но, увы, смерть пришла за ним в 1988 году. В сущности, будучи изъят из литературной жизни, он никак не соприкасался с нею, «обэриуты» прошли мимо него, и он прошёл мимо всех, став потаённым и уникальным явлением русской поэзии прошедшего века.

Елена Шварц

